

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Евсей Цейтлин. Писатель на дорогах ИСХОДА. Откуда и куда?

СПб.: Алетейя, 2020.

Евсей Цейтлин — мой друг. Говорю это, хотя мы знакомы лишь заочно и пока ни разу не встречались. Он живет в Чикаго, редактирует там религиозный ежемесячник «Шалом», я — в Вашингтоне, тоже занимаюсь редактированием журнала. Но совсем не это нас сближает, хотя и это, конечно, тоже. Дело в том, что те восемь лет, что я его знаю и с ним общаюсь, я не устаю удивляться. Удивляться силе, мужеству и стойкости этого человека; несмотря на тяжелые обстоятельства, отягчающие его жизнь, не только продолжающего работать и поддерживать семью, не только занимающегося писательством, но и постоянно озабоченного судьбами других, тех, кто рядом и кто далеко, молодых и старых, талантливых и не очень... Да, да, даже не очень талантливым он обязательно поможет, приободрит, подскажет, как исправить неудачный текст.

Я бы назвала его «божьем человеком», отбросив прилипший к этому словосочетанию оттенок юродивости. Для меня «божий человек» — это тот, кто слышит Бога и кого слышит Бог. Обретший веру далеко не в юном возрасте, он стал, как кажется, глубоким знатоком иудаизма, его сущности и его обрядов. Бывает, что такое погружение в религию делает человека нечувствительным к чужому, да что там — просто к обычной жизни и обычным проблемам. Но нет, этого не случилось. Не знаю, только ли я ощущаю бесконечную заботу и попечение о себе со стороны Евсея. Думаю, что таких людей, которым на расстоянии он помогает жить, не так мало — об этом говорит и его последняя книга, к ней я сейчас и перейду.

У книги непростое название — «Писатель на дорогах Исхода» с подзаголовком «Откуда и куда?». Понятно, что она об эмиграции и эмигрантах, все ее русскоязычные герои — писатели, поэты, издатели — живут в Америке, Германии, Израиле. Но есть еще один оттенок в слове Исход. Обычно он употребляется по отношению к евреям, к их выходу из Земли Египетской и скитаниям по пустыне в поисках Земли обетованной. «Исход» — одна из начальных книг Библии, ее стержень и основа. И, как кажется, именно такой смысл имеет заголовок многоголосой книги Евсея Цейтлина. Она — об исходе его соплеменников-евреев из Страны Советов, об их судьбах — человеческих и творческих — и о том, что ждало их на новой, обретенной ими земле.

Не поленилась — подсчитала число героев книги: их тридцать. Тридцать различных судеб, почерков, устремлений. Книга окольцовывается одним именем — Владимир Порудоминский (родился в Москве в 1928 году, ныне живет в Кёльне, Германия) —

с очерка о нем «Полет одинокой птицы» (2013) она начинается — и заканчивается интервью, озаглавленным «В конце концов» (2018), в котором писатель и культуролог Порудоминский на пороге девяностолетия подводит «предварительные итоги».

Достойное окончание книги!

Но скажу о самом принципе Евсея Цейтлина как интервьюера и автора биографических очерков. Если вы привыкли к интервью, построенному по принципу вопрос-ответ, то удивитесь, встретив у автора «Исхода» большие подводки к вопросу. Он не хочет просто получить ответ, ему важно втянуть собеседника в сферу своих размышлений, выяснить, прав ли он, спрашивающий, и если нет, то в чем ошибается по поводу тех или иных фактов биографии, книг, утверждений своего реального или виртуального визави.

Как правило, он, что называется, «прекрасно оснащен» — великолепно подготовлен к интервью. Если оно с писателем — он прочел чуть не все его книги, если с издателем — знает весь репертуар и спектр издаваемого, если с публицистом — знаком с его публикациями и представляет их направленность. При этом он старается узнать как можно больше биографических сведений о своем герое. Такая подготовка чрезвычайно трудоемка, но Евсей на это идет, потому все его интервью и очерки, которые также строятся по принципу совместных размышлений, так объемны и, хочется сказать, фундаментальны.

Несколько слов о самом Евсее ЦейтLINE. Кстати сказать, мое интервью с ним, взятое в 2013 году и размещенное в приложении, озаглавлено его словами: «У разных народов разные корни, но одно небо». И вся деятельность Евсея Цейтлина как писателя подтверждает эту максиму.

Родившись в российской глубинке, в Сибири, в том самом Омске, где в наши дни оказывали первую медицинскую помощь Алексею Навальному, пройдя через факультет журналистики Уральского университета, в затем через Высшие Литературные курсы в Москве, став доцентом и читая лекции студентам, он продолжал вести свои наблюдения над жизнью и людьми. Людьми разными.

Среди них были представители малых народностей Севера, работяги, писатели, художники. Эмигрировав в Литву и занявшись изучением литваков, чудом уцелевших в холокосте литовских евреев, он интересовался и литовской литературой — еще до эмиграции написал книгу об ее классике Кристионасе Донелайтисе, творившем в XVIII веке... Казалось бы, что ему Донелайтис? Но вот — заинтересовался, задумался, начал внутренний диалог...

Еврейская тема у Евсея Цейтлина, бывшего преподавателя советского вуза и успешно публикующегося журналиста и писателя, совсем не случайна. Она возникла из сна, в котором к нему приходил молчаливый еврей-литвак. Он ничего не говорил, но писатель понял, что должен высказать то, о чем молчал этот старик и тысячи других — стариков, женщин, детей, — погибших в годы Второй мировой от рук соседей-литовцев. О них его рассказы, на этой горестной теме настоян его знаменитый роман «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» (1996 и последующие издания, а также издания на английском, испанском, литовском, немецком). Отсюда тропинка и к его книге об еврейском «Исходе», о которой мы ведем речь.

Но прежде были две (!) эмиграции. Сначала, в 1990-м — Литва, через шесть лет — Америка. Читатель может представить, что это значит, если вспомнит русскую поговорку «Один переезд равняется трем пожарам». И могу предположить, что поговорка, сложенная во времена, когда народ не слишком-то перемещался, предполагала простое переселение в другую избу... Переехать в другой город — это было для нас, воспитанных в СССР, запредельным испытанием. А уж в другую страну... Здесь просто сознание отключалось, такого быть не могло! Перестройка дала людям эту возможность.

Многие попробовали. Для большинства эмиграция — с ее, как правило, тяжелым началом — оказалась проверкой на прочность.

А теперь представьте, что за первым таким «переездом» следует второй. Моей семье выпало сие на долю: сначала, в 1990-х, — на семь лет мы осели в Италии, потом, в 2000-м, — оказались в Америке. И я хорошо представляю, с чем столкнулся Евсей Львович и его семья во время этого двойного перемещения по лицу земли.

С 1996 года Евсей Цейтлин живет в Чикаго. Большое число его интервью и биографических зарисовок сделаны при общении с представителями русскоязычной чикагской общины. Это и писатель Генри Файнштейн, и культуролог Семен Ланверг, и Семен Каминский, писатель и издатель. Пишу — и вспоминаю, что в нашем русскоязычном журнале «Чайка», издающемся в Вашингтоне, все эти три вещи были опубликованы. Евсей отозвался на смерть Файнштейна, на юбилей Ланверга, взял интервью у Семена Каминского. А вообще через наш журнал прошло множество интервью, помещенных Евсеем Цейтлиным в его книгу. Расскажу о некоторых, наиболее запомнившихся.

Семен Резник. Не так давно, после выхода его фундаментального труда о Николае Вавилове («Такая короткая жизнь»), я взяла у Семена Резника видеointerview, оценила его эрудицию, глубокое знание темы, полемический задор. В том же 2018 году (год 80-летия Семена Ефимовича) интервью с ним сделал Евсей Цейтлин. Эти два интервью на удивление разные. У Евсея снова интервью-размышление, интервью-погружение в жизнь, в самую ее гущу. Наверное, поэтому его собеседник чувствует себя легко и свободно и без утайки рассказывает о значимых этапах своей жизни, не забывая ярких и неожиданных подробностей. Например, такой. Будучи подростком, он сочинил стихотворение в подарок «товарищу Сталину». А учительница, зло отшвырнув листок со стихком, сердито проговорила: «Рисом надо, рисом!», то есть следовало составить текст на картонке — из рисовых зернышек. Тогда такие подарки вождю мастерили повсеместно... Не правда ли, колоритный штрих? Или такое. Поняв, что на филологический факультет МГУ его не возьмут, он поступил в Строительный. А затем следует перечисление выпускников МИСИ, работающих в литературе, журналистике и кинематографе: это и Асар Эппель, и Аркадий Хайт, и Слава Цукерман...

Рассказ о жизненных вехах вмещает работу в редакции «Жизнь замечательных людей», борьбу в уже перестроечной печати с антисемитизмом, приход в редакцию «Голоса Америки»...

Интервьюер задает собеседнику один из вопросов, который проходит через всю книгу. Не надоело ли ему «повторение пройденного», борьба с антисемитизмом, который, по слову Эйнштейна, является «тенью евреев»? Мне понравился ответ Семена Ефимовича: «...вы правы — антисемитизм вечен. Но знаете что? Борьба с ним тоже вечна... Пройдя этот путь до конца, я как бы экспериментально проверил: выхода нет, а есть исход».

Добавлю к этому, что Семен Резник со страстью сражается против всевозможных поклепов на еврейское племя, вплоть до «кровавого навета». История эта длится сотни лет и никак не окончится. В XXI веке в России «церковное начальство» требует заново расследовать убийство царской семьи: по его мнению, это убийство было «ритуальным». Что сказать? По-видимому, не случайно Семен Ефимович Резник, автор книги о царубийстве¹, выбрал для себя дороги Исхода.

На этих дорогах судьба Семена Резника сложилась успешно. Он пишет книги и статьи, востребован читателями и издателями — в России и в Америке. В интервью Евсею Цейтлину он называет авторов-евреев, которые обрели в Америке второе дыхание: это Борис Кушнер, бывший в России математиком и ставший в Штатах интересным поэтом, Юрий Окунев, радиотехник, печатающий в США публицистические статьи

¹ Семен Резник. Царубийство. Николай II: жизнь, смерть, посмертная судьба. СПб.: Алетей, 2019.

и беллетристику, Семен Ицкович, на родине бывший доктором технических наук, а в эмиграции начавший писать политические обзоры. Примечательно, что интервью с двумя перечисленными авторами вошли в книгу, о которой пишу.

Есть еще два имени, которые мне непременно хотелось бы назвать. Это Лев Бердников и Игорь Михалевич-Каплан. Оба имеют отношение к издательскому делу. Лев — зам. главного редактора нью-йоркского журнала «Слово/Word», Игорь долгие годы издавал в Америке литературно-художественный ежегодник «Побережье».

Интервью с первым называется «Судьба и выбор», со вторым — «Удача жить». И опять в своей обычной манере Евсей Цейтлин «вынимает» из них биографические подробности-вехи, словно невзначай заставляет высказать жизненное и художественное кредо. Лев Бердников, внук знаменитого Григория Абрамовича, автора бессмертного учебника «Введение в литературоведение», в России занимался русским XVIII веком, его культурой, поэзией, героями... Постепенно эти занятия привели его к изучению истории евреев — именно в XVIII столетии, после разделов Польши, оказавшихся на территории России и поневоле ставших ее подданными.

Этот интерес полностью проявился в Америке, где одна за другой выходят книги Бердникова на тему еврейства. «Сыны или пасынки?» — стоит в заголовке одной из его недавних книг. «Какие уж тут сыны!» — с горячностью восклицает интервьюер, на что получает ответ Льва Бердникова: «Пасынки превращаются в сыновей Израиля, Европы и США. И это, как не раз уже было сказано, вызывает сожаление у подлинных патриотов России».

По-моему, очень верная констатация.

Игорь Михалевич-Каплан однозначно нашел в Америке себя, стал не только издателем известного альманаха «Побережье»², инициатором многих интересных изданий в Филадельфии и Бостоне, но и писателем и поэтом. Недавно вышел в свет двухтомник его «Избранного». Евсей Цейтлин выводит Игоря Михалевича-Каплана на тему детства, родного Львова. Воспоминания тяжелы. Отец — «враг народа», во время войны, «затерявшись среди беженцев», бежал через Польшу и Германию в Израиль. Мать Игоря (знаю, с какой нежностью он всегда о ней рассказывает), пережив погром, в котором заживо сгорели ее родители, воспитывалась в детском доме. Друг семьи, поэт Давид Гофштейн, член Еврейского антифашистского комитета, был расстрелян 12 августа 1952 года, в «ночь убитых поэтов»... Читаю и поражаюсь, как при всем этом Игорь смог сохранить свой бесконечный оптимизм, веселость, склонность к шутке и розыгрышу. Да ведь и интервью с ним Евсей назвал очень точно: «Удача — жить». Долгой тебе жизни, Игорь!

Еврейские судьбы. Листаю книгу и натываюсь на совсем небольшой очерк. Он привлек меня странной двойной фамилией героя — Корабликов-Коварский. Судьба этого человека оказалась горькой и неожиданной. Его отец происходил из староверов, был членом подпольного горкома в Вильнюсе. Матери-еврейке пришлось уйти в гетто, где впоследствии она и погибла. Там же родился мальчик, которого удалось в корзине вынести на волю. Его воспитали родственницы отца, его мать и сестра. Большую часть жизни Сергей считал себя русским. Правду о себе он узнал, уже будучи взрослым человеком. Сейчас Сергей Корабликов-Коварский живет в Израиле, работает врачом, растит внуков, пишет стихи... На страницах крохотного очерка поместилась целая жизнь...

К некоторым судьбам Евсей Цейтлин возвращается, под материалами о них стоят две даты. А Владимиру Порудоминскому посвящены два материала — в самом начале и в самом конце. Двух писателей связывают многолетние дружеские отношения. К де-

² Именно в этом альманахе были опубликованы мои первые рассказы.

вяностолетию Порудоминского (2018) Евсей взял у него интервью, венчающее сборник. Размышления о возрасте не отпускают ни одного, ни другого собеседника. Но вот окончание этого интервью, носящего заглавие «В конце концов»:

Владимир Порудоминский: «Испытываю остро возросшее чувство благодарности миру, в котором живу, самому существованию. Никогда прежде я так не радовался деревьям, траве, воде, небу... Даже дождю и сумеркам. Радуюсь и благодарю...»

Спасибо Евсею Цейтлину, что он донес до нас это трогательное душу признание!

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ